

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.И. Волынский

м.н.с., Институт экономики РАН, Москва

МЕЗОЭКОНОМИКА РОСТА: ИЗУЧАЯ ОПЫТ КИТАЙСКИХ РЕФОРМ¹

Аннотация. В конце прошлого 2018 г. в Китае прошли торжественные мероприятия по случаю 40-летия начала политики реформ и открытости. Благодаря последним Китай из страны с разрушенной экономикой и системой государственного управления в результате потрясений первых трех четвертей XX в., превратился в одно из самых динамично развивающихся государств мира. Описанию опыта китайских реформ, заложенным в программу преобразований принципам, обстоятельствам реализации стратегий трансформации китайской экономики, ее транзита от строго плановой системы к институтам рынка и частной собственности, посвящено значительное число исследований. Основные элементы реформ: ликвидация народных коммун, стимулирование частного предпринимательства, последовательное улучшение инвестиционного климата, преобразование государственных предприятий в рыночных агентов, – все это изучено достаточно подробно. Доминирующее представление о китайских реформах как об изначально смоделированном процессе постепенной экономической либерализации, мягкого демонтажа вертикально интегрированной системы государственного регулирования экономики и развития духа частного предпринимательства представляется неполным. По нашему мнению, описание опыта китайских реформ через дихотомические позиции «план – рынок», «государство – индивид», «социализм (коммунизм) – рынок» изначально привносит известную степень упрощения в выстраиваемые концепции описания китайского прошлого, а вместе с тем и осознания вероятных траекторий будущего развития китайского государства. С нашей точки зрения, необходимым является включение неких срединных позиций в анализ как самих реформ, так и нынешнего китайского общества в его политическом, социальном и экономическом измерениях. Так, в позиции «государство – индивид» необходима промежуточная позиция «общество». Опыт 40-летней давности, явленный жителями китайской деревни Сяоган, эксперименты, проводимые властями отдельных китайских провинций, – примеры того, что фактор «общество» с его способностью к самоорганизации и кооперации сыграли в истории китайского успеха не последнюю роль.

Ключевые слова: *институциональный дизайн, мезоуровень, мезоэкономика, институционализм, Китай, реформы.*

Классификация JEL: B15, B25, P16, P51.

DOI: 10.24411/2587-7666-2019-00007.

Восемнадцатого декабря 2018 г. в Пекине состоялось торжественное собрание по случаю 40-летия начала политики реформ и открытости, на котором присутствовали Председатель КНР Си Цзиньпин и другие высшие партийные и государственные лица. В своей речи Си Цзиньпин отметил, что прошедшие 40 реформенных лет «доказали правильность пути, теории, системы и культуры социализма с китайской спецификой, когда китайское развитие стало положительным опытом и показывает светлую перспективу для

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания для ФБГУН Института экономики РАН по теме «Феномен мезоуровня в экономическом анализе: новые теории и их практическое применение».

других развивающихся стран в их стремлении к модернизации»². В то же время основной упор в речи был сделан им на очередное утверждение лидирующей роли КПК в конструкции власти КНР: «практика реформ и открытости показала, что главенство КПК – ключевая черта социализма с китайской спецификой» [Коростиков, 2018a].

Обращение Председателя Си к прошлым заслугам и к утверждению правильности выбранной стратегии, частичное игнорирование вопросов собственно экономического развития по-своему понятно: юбилей пришелся на сложный период – торговые войны с США, с одной стороны, и свидетельства замедления экономики, с другой, ставят неудобные вопросы скорее не о прошлом, но об обозримом будущем развития КНР. Индекс PMI впервые за два года упал в Китае до 50 пунктов, продажи автомобилей за год сократились на 11,7%, смартфонов – на 15,2%. Неожиданный и формально юридически оправданный запрет со стороны центральных властей для правительства самой развитой китайской провинции Гуандун самостоятельно публиковать региональный индекс PMI и многие другие схожие шаги лишь подогревают слухи о том, что спад промышленного производства и потребительской активности в испытывающей серьезное давление извне экономике материкового Китая значительней, чем можно судить, опираясь на данные официальной статистики [Huifeng, Leng, 2018].

Как торговые и политические противоречия между США и КНР, так и замедление темпов экономического роста КНР вкуче актуализировали дискуссии о реформах китайской экономики. Обращаясь к изучению соответствующих публикаций, нельзя не заметить, что в значительной части, если не в большинстве работ, анализируется вероятное будущее Китая, исходя из позиции усиления или ослабления роли государства и коммунистической партии в экономике Китая, соотношения свободного рынка, демократизации и усиления признаков персоналистского режима Председателя Си. Поддержка крупных государственных компаний и давление на частный сектор – эти две позиции выступают на первый план при анализе экономической политики китайского правительства всех последних лет с момента прихода к власти Си Цзиньпина. По мнению многих, сжатие частного сектора экономики стимулирует спад темпов экономического роста Китая. Политическая же и экономическая структуры современного Китая таковы, что главный способ борьбы с результатами собственной политики последних лет видится китайскому правительству в масштабных бюджетных проектах, направленных на поддержку среднего и малого бизнеса [Chao, 2018].³

Если раньше как для аналитиков, так и для политиков, прежде всего представляющих США, базовой была вера в возможность конвергенции, сближения Китая со странами Запада, сопровождаемого усилением тенденций к демократизации, ростом плюрализма, большей либерализацией экономической сферы⁴, то теперь, как отмечает Майкл Спенс, в обозримой перспективе возможности конвергенции отсутствуют. Вместе с тем в своей статье о будущем модели экономического роста Китая он увязывает более явное разделение функций государственного влияния и свободно саморегулируемого рынка с дальнейшим экономическим ростом КНР, имея ввиду, что усиление роли государства в экономике Китая негативно сказывается на ее развитии [Spence, 2019].

Вместе с тем, с нашей точки зрения, строгость описательной конструкции, предполагающей определенные заданные рамки колебаний между различными степенями влияния государства на экономику, будучи примененной в отношении Китая, является излишней, сужающей рамки адекватного особенностям изучаемого объекта взгляда. В статье мы

² russian.china.org.cn/china/txt/2018-12/19/content_74289620.htm (дата обращения: 24.01.2019).

³ Так, 7 октября 2018 г. Народный банк Китая анонсировал программу по поддержке среднего и малого бизнеса, общая стоимость которой оценена в 175 млрд долл. [Tepperman, 2018].

⁴ China v America // The Economist. October 2018, 20th. P. 11.

предпринимаем попытку обоснования необходимости усложнения привычных описательных конструктов китайской экономики и включения в них новых дополнительных структурных элементов. В первой части мы смещаем акценты на то, что развитие китайской экономики последних 40 лет стало результатом не только государственной политики, но и спонтанных процессов, происходивших на уровне общественной самоорганизации. Во второй части наиболее важным обстоятельством в нашем анализе является то, что рассмотрение опыта китайских реформ в рамках дихотомии «плановая экономика – рынок» не только определено историческим нарративом, но и общими особенностями социальных наук. В третьей части обращается внимание на понятие мезоэкономики, сравнительно молодой концепции, позволяющей описывать тот уровень экономической структуры, характерные качества которого, по мысли теоретиков мезоэкономики, не прослеживаются ни на микро-, ни на макроэкономическом уровнях. Решается вопрос о перспективности ее применения в отношении характеристики китайской экономики.

Политика реформ и открытости: примеры самоорганизации

Никаких оснований оспаривать указанную выше позицию о важности частного сектора, как представляется, нет: в самом деле, основой экономического роста КНР последних 40 лет стала фундаментальная либерализация китайских экономических институтов. По словам самого Си Цзиньпина, частный сектор платит более 50% налогов, обеспечивает более 60% валового внутреннего продукта и более 80% занятости [Chao, 2018]. Однако, говоря о прошлом и будущем китайских преобразований, логику развития КНР, вероятно, не следует описывать как маятник, качающийся между двумя крайними позициями рынка и плановой экономики, демократизации (пусть и относительной ввиду конституционно закрепленной нормы о главенстве КПК) и автократии. Дихотомия в описании политики реформ и открытости, ровно как и современного Китая в его социальном, политическом и экономическом измерениях, построенная на противопоставлениях «план – рынок», «государство – индивид», «социализм (коммунизм) – рынок» может рассматриваться как своего рода упрощение.

Несмотря на огромное число подробных исследований, посвященных китайским реформам, господствующей точкой зрения является представление о них как об изначально смоделированном и проводимом «сверху» процессе транзита китайских общественных и экономических институтов к более либеральным институциональным конструкциям. Как пишут в своей работе «Как Китай стал капиталистическим» Рональд Коуз и Нин Ван, и китайская поддерживаемая руководством КНР историография, и мировое научное сообщество исходят из того, что Третий пленум ЦК КПК 11-го созыва, на котором было объявлено о начале политики реформ и открытости, стал отправной точкой рыночных преобразований, переломным моментом в истории КНР. Тем не менее «сказать, что пленум запустил цепь событий, которые с неизбежностью привели к переходу китайской экономики на рыночные рельсы, нельзя. Скорее, это рыночные реформы придали значимость Третьему пленуму, превратив его в ярчайший переломный момент в истории КНР» [Коуз, Нин, 2013. С. 51]. Представление о рыночных реформах как программе с запрограммированным результатом упрощает задачу исследования опыта китайских реформ, и вместе с тем подводит нас к описательным концепциям, в рамках которых история КНР последних десятилетий может быть представлена как движение в пространстве между доминантами рыночного и планового методов, траектория которого целиком зависима от господствующей политической линии⁵. В действительности «экономическая реформа в Китае в начале

⁵ В качестве примера такого подхода см.: [Terperman, 2018].

1980-х годов представляла собой «историю двух экономик» – стагнирующего госсектора и быстро растущего негосударственного сектора. Последний возник на обочине китайской экономики во время периферийных революций» [Коуз, Нин, 2013. С. 77].

Развитие негосударственного сектора, представленного т.н. волостными и поселковыми предприятиями, в первые десятилетия реформ носило спонтанный характер, отношение государства к нему поначалу было настороженным. Тем не менее волостные и поселковые предприятия (township-village enterprises (TVEs))⁶ были «самой динамичной частью китайской экономики» [Naughton, 2007. P. 274], «локомотивом экономического роста и индустриализации на первом этапе реформ» [Xu Chenggang, Zhang Xiaobo, 2009. P. 3; Zweig, 1997]. Ныне число посвященных волостным и поселковым предприятиям исследований обширно [Weitzman and Xu, 1994; Che and Qian, 1998; Mukherjee and Zhang, 2007]⁷. Их пример представляет собой определенный парадокс: будучи объектом коммунального или коллективного имущества в собственности и в управлении местных органов власти, они демонстрировали экономическую эффективность. «Потрясающие успехи волостных и поселковых предприятий противоречат базовому принципу современной экономики: без частной собственности невозможно стимулировать предпринимательскую деятельность и поддерживать конъюнктуру на рынке», – пишут Коуз и Нин. И далее задаются закономерным вопросом: почему эти предприятия, находящиеся в управлении у местных чиновников, оказались эффективны, а государственные предприятия, связанные с центром – нет. «Объяснять успехи волостных и поселковых предприятий участием местных органов власти – значит просто констатировать тот факт, что у этих предприятий была одна счастливая особенность: управляя ими, местные чиновники должны были вести себя как настоящие предприниматели – брать на себя риски и нести полную ответственность за свои решения. В отличие от государственных волостные и поселковые предприятия были ограничены в средствах» [Коуз, Нин, 2013. С. 64]. Будучи государственными или общественными де-юре и частными де-факто вплоть до начала 1990-х гг., когда государство юридически признало свободу предпринимательства (об этом подробнее см.: [Williams, 2001]), волостные и поселковые предприятия развивались не благодаря, а вопреки воле центральных властей, видевших в них конкурентов государственным предприятиям и потому усложнявшим для первых доступ к кредитам и рынкам сбыта [Li Lanqing, 2008. P. 28–29].

Наиболее яркий пример спонтанности формирования самоорганизующихся рыночных субъектов в Китае продемонстрировал аграрный сектор. Широко известна хрестоматийная история крестьян из деревни Сяоган провинции Аньхой. В ноябре 1978 г. жители деревни подписали секретное соглашение, в соответствии с которым принадлежавшая коммуне земля была поделена на мелкие участки, закрепленные за конкретной семьей. С точки зрения действовавших тогда законов крестьяне сознательно шли на преступление. Понимая это и понимая, какая опасность им грозит, крестьяне Сяогана договорились кормить до достижения 18-летнего возраста детей тех, кого теоретически могли арестовать за подписание соглашения о разделе земли. Было договорено отдавать государству ровно указанные в планах объемы урожая, остальное оставлять себе. Опыт оказался удачным, уже в следующем году объемы собранного урожая увеличились кратно, а жители соседних деревень попытались повторить эксперимент у себя, о чем узнали областные чиновники. Они перекрыли поставки удобрений в Сяоган. Но в дело вмешался глава партийного коми-

⁶ В русскоязычном переводе работы Коуза и Нина «township-village enterprises (TVEs)» переводятся как «волостные и поселковые предприятия», вместе с тем в: [Коростиков, 2015] употребляется более широкий термин «township and village enterprises» – «городские и сельские предприятия». Речь же, фактически, идет об одном и том же явлении. Однако в англоязычной литературе часто встречается деление на «township-village enterprises (TVEs)» и state-owned enterprises (SOEs), то есть сельские и городские соответственно.

⁷ Не обходят вниманием тему и исследователи, работающие в КНР. См.: [Кун, 2005; Ма, Ван, Лю, 1994; Сюй, 2009].

тета провинции Аньхой Вань Ли. Он поддержал селян и, в конечном итоге, модель Сяогана стала общекитайской практикой⁸.

Представление о том, что частный сектор в Китае вырос во многом вопреки позиции правительства как спонтанно возникшая форма институциональной самоорганизации в условиях отсутствия соответствующей правовой базы и внятной последовательной позиции государства, позволяет расширить соответствующий описанию китайских реформ понятийный аппарат: перейти от дихотомической позиции «государство – индивид» и «план – рынок» к более широкой «государство – общество – индивид». В таком случае опыт рыночных реформ в Китае может быть изучен не как проведение определенных институциональных преобразований сверху, не как насаждение выработанных на макроуровне правил игры в микроагентную среду, но, напротив, как результат реакции агентов микроуровня на изменения внешней среды и выработки ими своих правил взаимодействия, позже легитимированных на уровне государства. Наконец, это может быть описано как пример институционального многообразия, успешной многоукладности.

Экономика развития и ориентализм

Несмотря на то, что приведенные нами выше примеры эффектов самоорганизующихся структур по модели деревни Сяоган и волостных и поселковых предприятий широко известны и подробно рассмотрены в многочисленных исследованиях, модель восприятия опыта китайских реформ как сознательного транзита от одного типа институционального устройства к другому, осуществляемого под руководством вполне определенного рулевого, устойчива. Мы уже упоминали, что западные научное и политическое сообщества на протяжении десятилетий верили в эффект конвергенции, в положительные последствия интеграции китайского государства в глобальный мир. Включаясь в глобальные цепочки добавленной стоимости, Китай эпохи реформ и другие развивающиеся государства открывались для Запада, приводили свои юридические и экономические системы в определенное соответствие с мировыми стандартами. Все это давало позитивный эффект: если прежде в графике мирового распределения доходов наблюдался существенный разрыв между экономиками развитых и развивающихся стран, то по мере развития глобальной торговли разрыв стал снижаться⁹. Само же восприятие либерализации Китая в этом контексте воспринималось как неизбежный результат экономического развития, во многом стимулированного процессами глобализации. Политическую и идеологическую основы такой модели восприятия составляли в том числе и исторические обстоятельства окончания холодной войны и распада социалистического лагеря. В этом контексте политика реформ и открытости не могла восприниматься как-то иначе, чем осознанный и предопределенный транзит к институтам рынка.

Взгляд с иных позиций мы обнаруживаем в работах многих отечественных синологов. Будучи воспитанниками советской академической традиции, российские исследователи долгое время концентрировались на обзоре официальных документов и решений съездов Коммунистической партии Китая, сводя основной дискурс относительно китайской политики реформ к противопоставленным позициям «социализм – либерализм», «рынок – план», поиску определений сложившейся системы: «социализм с китайской спецификой», «разновидность рыночного социализма», система сочетания плана и рынка, и описывая реформаторские стратегии, применяемые в КНР, как умелый поиск «золотой

⁸ См.: [Коростиков, 20186].

⁹ World Trade Report 2014. Trade and development: recent trends and the role of the WTO. P. 5.

середины» между крайностями категорий рынка и плана (см., например: [Кондрашова, 2018; Пивоварова, 2011; Пивоварова, 2018; Просеков, 2009])¹⁰.

Обе позиции – и вера в конвергенцию, и поиск «руководящей роли КПК» в развитии разновидностей социалистических форм хозяйствования – в исторической перспективе являются отголоском идеологического противостояния эпохи холодной войны. Вместе с тем в ряде исследований противоречие обретает более широкие перспективы. Так, в работе российского китаиста А.В. Виноградова «Китайская модель модернизации» идеологический конфликт по линии «социализм – капитализм» обретает явные черты противоречия культурных идентификаций: понятие капитализма он увязывает с модернизацией, которая описывается им как форма вестернизации. Наконец, он задается вопросом о том, «является ли поражение коммунистической идеологии <...> доказательством утверждения единого типа цивилизационного развития, построенного на экономическом либерализме и политической демократии» [Виноградов, 2008. С. 8]. Признавая, что марксизм для Китая был настолько же западной идеологией, насколько ею являлся либерализм, тем не менее А. В. Виноградов исходит из того, что марксизм с его упором на коллективизм ближе к традиционным ценностям китайской культуры. Такой подход предопределяет и исследовательскую позицию, исходя из которой модель китайской модернизации «социализма с китайской спецификой» описывается как некий *незападный* путь развития.

На этом этапе мы подходим к тому, что дуализм в описании программы китайских реформ может вызывать к дискуссии не только вопросы о собственно Китае, но также и о доминирующих описательных моделях, а вместе с тем и об основах социальных наук. Японский политолог Такаси Иногучи одну из своих работ начинает вопросом о том, является ли политология американской социальной наукой и положительно на него отвечает: «Да, по крайней мере – последние пятьдесят лет» [Иногучи, 2004. С. 131]. С некоторой осторожностью, но схожую мысль можно высказать и в адрес большинства других социальных наук, в том числе и экономики. Не будучи «американской», экономическая теория в ее сегодняшнем виде – продукт западной цивилизации, выросший как описательная модель прежде всего западных обществ и обретший свою универсальность по мере разворачивания процессов глобализации.

Сложившийся вокруг политики реформ и открытости дискурс отсылает нас к обширному пласту сравнительных исследований, выявляющих связь между институтами и экономическим ростом. Оставив в стороне вопрос о сравнительных преимуществах китайской экономики на начальном этапе реформ, таких как дешевая и дисциплинированная рабочая сила, мы, в конечном итоге, приходим к проблеме институциональных трансформаций в пореформенный период, вопросу о связи экономического роста и институциональных преобразований. Это отсылает нас к популярному ныне направлению исследований на стыке экономики развития и экономической истории. Значительная часть известных нам работ сходится на том, что динамизм экономического роста возможен в странах с порядками открытого доступа [Норт и др., 2011] или, используя терминологию Аджемоглу и Робинсона, в обществах с инклюзивными институтами [Acemoglu, Robinson, 2012; Аджемоглу, Робинсон, 2015]. Обоснованием для такого рода конструкций может служить известный эффект «хоккейной клюшки» [Розмаинский, 2018. С.188; McCloskey, 2016. P. 24]: быстрый экономический рост в странах Запада, начавшийся на рубеже XVIII–XIX вв. Если до того темпы экономического роста были ниже темпов прироста населения, что в конечном итоге приводило к неизменности показателя доходов ВВП на душу населения, то, начиная с конца XVIII в., в таких странах, как Нидерланды, Великобритания, США,

¹⁰ Отметим, что «социализм с китайской спецификой» – понятие, взятое из официальных документов КПК. Западные англоязычные исследователи преимущественно игнорируют это понятие, чаще говоря о «китайской модели капитализма» (см., например: [Rattner, 2018]).

Франция и Германия, показатель ВВП на душу населения начал стремительно расти (подробнее об этом см.: [Бакеев, 2018]). Визуально на графике показателя как роста ВВП, так и ВВП на душу населения мы увидим многовековое отсутствие положительной динамики и быстрый рост, начавшийся два столетия назад, график окажется похож на хоккейную клюшку.

Страны, положившие начало перелому в экономическом развитии, были обществами с инклюзивными институтами, гарантирующими защиту прав собственности и частного предпринимательства. Аджемоглу и Робинсон на примере истории распространения технологии книгопечатания показывают, что инклюзивные институты способствовали техническому и, соответственно, экономическому развитию в этой области, тогда как в обществах с экстрактивными институтами возможности технологического развития были подавлены политическими институтами власти [Аджемоглу, Робинсон, 2015. С. 168–171]. Теория Аджемоглу и Робинсона и в меньшей степени Норта и соавторов широко критикуются за свою тенденциозность, пренебрежение фактами, не вписывающимися в начальную концептуальную формулу «институты открытого доступа (инклюзивные) => развитие» и признаки следования идеологическим установкам в анализе [Diamond, 2012; Арсланов, 2016; Кирдина-Чэндлер, 2018]. Вероятно, некое упрощение, понимаемое многими как тенденциозность, подобного рода исследований неизбежно. На слабость однофакторного подхода указывает Мансур Олсон: «каждая страна, регион, <...> уникальны. Поэтому тот факт, что некая страна с необыкновенно высоким темпом роста имеет ту или иную отличительную особенность, вовсе не является основанием для вывода о наличии причинно-следственной связи». И далее приводит пример доведения логики подобного рода исследований до абсурда: только у англичан есть Биг-Бен, а немцы едят много кислой капусты, следовательно, Биг-Бен – причина медленного роста британской экономики, а кислая капуста – быстрого роста Германии [Олсон, 2013. С. 25]. Однако в силу масштабности задачи концентрация исследователя на одном факторе кажется вполне оправданной, тем более, если речь идет о широком списке стран.

Проникновение факторов идеологии в исследования кажется также определенной неизбежностью. Дискуссии о допустимости идеологии в экономических исследованиях почти также стары, как и сама экономическая наука. Широко известна работа Йозефа Шумпетера «Наука и идеология», в которой он частично признает идеологический элемент в экономических исследованиях как допустимый. Для Шумпетера идеология – это некие ценностные ориентиры исследователя, исходя или благодаря которым он определяет задачи своей деятельности. «Ведь идеологии не являются просто ложью; это правдивые утверждения о том, что человек, по его мнению, видит», – пишет Шумпетер [Шумпетер, 2012. С. 252]. Наконец, он добавляет, что многие, подобно Марксу, находят следы наличия идеологических предубеждений у других, но только не у самих себя.

Как бы то ни было, посыл неоинституциональной теории об institutions matter и построенные на нем концепции о положительной взаимосвязи институтов открытого доступа по Норту и экономического развития прочно вошли в научный дискурс относительно проблем стимулирования роста национальных экономик. Вместе с тем господствующие в этой области знания подходы могут производить впечатление чрезвычайной европоцентричности. Исторически сложилось, что «большинство стран, осуществивших переход к открытому доступу или, по крайней мере, выполнивших пороговые условия, расположены в Европе или основаны европейцами» [Норт и др., 2011. С. 42]. Это обстоятельство делает неизбежным европоцентризм теоретических построений в области экономики развития, равно как неизбежно и признание того факта, что последние два столетия истории человечества прошли под знаменем глобализации, сопровождавшейся экспортом европейских институциональных и технологических инноваций за пределы европейского континента.

Критика европоцентричной модели описания развития человечества, а вместе с тем и признание преимуществ европейского пути развития, популярна. Переоценке прошлого посвящено множество исследований в том числе и сопряженных с историей экономики. Пересмотр истории в свете обретения новых данных по динамике развития государств в прошлом позволяет делать выводы о том, что экономическое доминирование стран Запада – явление недавнее. Так, по разным оценкам, к началу XIX в. ВВП Китая составляло до трети от мирового объема¹¹. С.Г. Кирдина-Чэндлер показывает, что суммарная доля ВВП стран с западными институциональными моделями стала преобладать над долей незападных стран лишь с середины XIX в., указывая, вместе с тем на определенную цикличность: с десятых годов XXI в. страны, относимые С.Г. Кирдиной-Чэндлер, к незападным, вновь начинают преобладать в суммарной доле мирового ВВП [Кирдина-Чэндлер, 2018]¹².

Сами анти-европоцентричные модели обнаруживают определенное различие: с одной стороны, многие исследователи доказывают, что долгое время Восток (в том числе и Китай) развивался опережающими темпами, указывая при этом на его макроэкономические показатели и ряд технологических прорывов. С другой стороны, можно сослаться на работу английского социолога и антрополога Джека Гудина «Похищение истории», в которой он утверждает, что европейский континент «выдвигает множество претензий на изобретение таких <...> институтов, как «демократия», торговый «капитализм», свобода, индивидуализм. Однако подобные институты встречаются в значительно более широком круге человеческих сообществ» [Гудин, 2015. С. 13]. На этом фоне концепция может быть выстроена не как рассказ об истории отставания стран Востока и последующего перехода в фазу догоняющего развития, сопровождаемого институциональной конвергенцией, скорректированный исходя из информации о прежнем макроэкономическом и технологическом равенстве или преобладании ряда государств Востока, но как повествование о менее монолитном, чем противопоставление «Восток-Запад», мировом многообразии институтов. Отталкиваясь от подобных предположений, экономист Гюнтер Франк выдвинул свой знаменитый призыв к Re-Orient [Frank, 1998], а синолог Померанц заявил о «Великом расхождении» между Европой и Азией, начало которого он отсчитывает лишь с начала XIX в., утверждая, что до этого времени направления развития были относительно сопоставимы [Pomeranz, 2000]. Каждое из упомянутых исследований стоит, с одной стороны, на том, что отставание Востока – не непреложное условие исторического развития, с другой же, на том, что противоречия между восточным и западным путями развития не столь исторически фундаментальны, как могло казаться прежде. Возвращаясь к теориям развития Норта и Аджемоуглу и Робинсона, такое уточнение исторических реалий позволит вести дискуссии относительно преимуществ институтов открытого доступа не в контексте линии культурного разлома «Восток – Запад», но при более инструментальном восприятии утверждений о большей эффективности условно западных институтов.

Чтобы понять глубокие причины идеологической связи между рассмотрением т.н. «западных» и «незападных» институциональных моделей, что контекстуально практически всегда сходно с инклюзивными и экстрактивными институтами, обратимся к довольно радикальному варианту отрицания европоцентричной модели – работе американского интеллектуала арабского происхождения Эдварда Саида «Ориентализм» [Саид, 2006]. В ней он представил систему знаний западных ученых о Востоке как следствие некоего конструкта, названного им «ориентализм». Ориентализм в работе Саида предстает как пример искусственного эпистемологического противопоставления Востока и Запада и как знак

¹¹ Восстановление былого паритета – один из пунктов «китайской мечты» (см.: [Социальный протест..., 2016. С. 229].

¹² Тут, однако, следует уточнить, что речь идет о суммарном показателе странового ВВП, а не о показателе ВВП на душу населения, как приведено в случае выше.

власти Запада над Востоком. Формирование ориентализма, по мысли Саида, было обусловлено историческим контекстом и реалиями колониальной экспансии. Сразу после выхода книга обрела в академическом сообществе как своих сторонников, так и яростных критиков. В контексте нашего исследования больший интерес представляют скорее сторонники работы Саида. Так, британский социолог Брайан Тернер, развивая идеи Саида, отмечает, что концепт Востока построен западными учеными как плохая альтернатива Западу, а все проявления Востока описываются в сравнении с Западом через дихотомические позиции «современный – традиционный», «динамичный – статичный», «прогрессивный – реакционный», «оригинальный – имитирующий». Истоки подобных конструкций Тернер возводит к работам Макса Вебера, увязавшего благосостояние Европы с протестантской этикой. Ориентализм видится Тернеру как продукт методологического индивидуализма Макса Вебера (подробнее об этом см.: [Рагозина, 2015]).

Развивая последнее утверждение, сможем допустить, что устремление к принципам методологического индивидуализма и утверждения фактора Я-мотивации как движущей силы развития лежит в основе дихотомических концепций противопоставлений Востока и Запада. Рассмотрение, в частности, траекторий развития Китая как движения между планом и рынком, государством и индивидом, в известной степени – следствие ориентализма, попытки объяснения общественных процессов через позиции изучения принципов индивидуального поведения и сопутствующих ему мотиваций.

Говоря о реформах в Китае, мы имплицитно имеем ввиду некий процесс, в ходе которого правительство создает рыночную среду, ориентированную на агентов микроуровня, наделенных способностью к Я-мотивации и четко определенными правами собственности. Обратный процесс видится в сужении пространства свободы микроагентов, ухудшении для последних условий деятельности (усложнение доступа к инвестициям, кредитам, давление со стороны государственных органов). Последнее многими воспринимается как отход от траектории конвергенции со странами Запада, выбор незападного, традиционно китайского пути развития.

Вероятно, если размышлять в категориях, более близких к культуре, чем к экономике, в случае с Китаем обычно рассматриваемые в одном контексте понятия институтов рынка и жестко понимаемой теоретической конструкции человека экономического следует разводить. Выше мы указывали на очевидный факт: экономическая теория в ее современном виде – продукт европейской культуры. Базовая единица микроэкономического анализа – человек экономический, *homo economicus*, максимизирующий отдачу и реализующий возможности рационального выбора, несмотря на признание экономической наукой ассиметрии информации, несовершенства контрактов и многие завоевания поведенческой экономики, по-прежнему может считаться основой неоклассической экономической теории¹³. Однако важно утверждение, что «человек экономический, – как пишет французский философ и социолог Кристиан Лаваль, – это не человек политической экономии. Не она его придумала, и он ей не принадлежит <...> Человек экономический возникает в другом месте, он возникает в самом обществе; он зарождается в изменениях социальных отношений, это – воображаемый образ, существующий в совершенно различной литературе, а не только в трудах экономистов» [Лаваль, 2010. С. 351–352].

Рассмотрение институтов рынка, частной собственности и максимизирующих агентов в одном смысловом пакете закономерно. Связь между капитализмом и человеком

¹³ Говоря об этом, стоит упомянуть, что, согласно ряду представлений, принцип методологического индивидуализма с концепцией рационального максимизирующего экономического агента является основой не только микро, но и макро-экономической теорий [Кирдина, 2013], однако подобную убежденность разделяют не все.

экономическим органична и исторична, она же в свое время стимулировала китайское общество к выбору марксистской идеологии¹⁴.

Вместе с тем примеры волостных и поселковых предприятий, модель деревни Сяоган с ее бунтом против правил, продиктованных государством, – из которых, в сущности, и вырос современный частично капиталистический Китай, произошел не посредством внедрения принципов индивидуального начала, а благодаря логике коллективного действия и эффекту самоорганизации сообществ. Государственный аппарат в этом контексте выступил не как источник макростратегий, создающих внешние условия для микроэкономических агентов, но как инструмент законодательной институционализации сложившихся практик постфактум. Они же явили пример разрешения проблемы коллективного действия, описанной Мансуром Олсоном. Даже учитывая фактор определенной романтизации истории договоренностей между сельчанами из деревни Сяоган, проблема безбилетника была решена ими на самом раннем этапе: каждый участник получал не только равные величины гипотетического выигрыша, но также нес и равную меру ответственности перед государством, а, значит, и ожидаемо оказывался перед равной угрозой проигрыша.

Мезоэкономика китайского развития

Иметь ли в виду, что и микро- и макроэкономические теории построены на микроэкономических основаниях, как полагает ряд исследователей, или, напротив, утверждать, что макроэкономическая теория в ее кейнсианском прочтении выросла из предположения о нерациональности поведения субъектов, идущего вразрез с их интересами (см.: [Олсон, 2013. С. 22]), тем не менее общим будет внимание к поведению отдельных экономических агентов (в той или иной степени производных от homo economicus) в анализе. Логичным в этом контексте будет рассмотрение экономического процесса как в микро-, так и макропроекции через истории взаимоотношений государства и его макрорегуляторных стратегий и микроэкономических объектов. Возвращаясь к условной модели деревни Сяоган заметим, что в этом случае субъектность экономического действия была рождена скорее не на индивидуальном, а на коллективном уровне. Применяя теорию фирмы, мы, напротив, должны были бы в данном случае уйти в глубокую микропроецию, изучение мотиваций поведения для каждого сельчанина, однако в анализе истории общекитайских реформ на первый план выходит именно логика коллективного действия, в рамках которого были рождены некие правила поведения, прошедшие путь от неформальных договоренностей к формальным правилам и институционализации.

Такая постановка вопроса делает логичным обращение при анализе опыта китайских реформ к теории мезоэкономики, последователи которой утверждают необходимость выделения промежуточного между микро- и макроуровнями мезоуровня. Впервые понятие «mesoeconomic» было упомянуто в работе Карла А. Виттфогеля 1962 г. «Аграрные проблемы оси Москва – Пекин» для описания регионального уровня управления¹⁵. Впоследствии идея мезоэкономики привлекла внимание представителей гетеродоксальных экономиче-

¹⁴ О.Н. Борох на примере дискуссии в журнале «Шэньбао юэкань» в начале 1930-х годов показывает, что для китайской интеллектуальной элиты вопрос о необходимости модернизации Китая, под которой уже тогда понималась не только индустриализация, но и вестернизация, не стоял. Проблемой был выбор между индивидуализмом капитализма и коллективизмом социализма. Значительное число интеллектуалов склонялось к последнему и даже не по причине несовместимости идеалов рыночного индивидуализма и китайской культуры, а из-за убеждения, что капитализм не позволит в максимально сжатые сроки обеспечить индустриализацию страны, мобилизовав максимальное количество ресурсов [Борох, 2015].

¹⁵ Подробнее об истории мезоэкономики см.: [Круглова, 2017].

ских течений: эволюционной и институциональной теорий. В русскоязычный научный оборот понятие экономики вошло благодаря двум коллективным монографиям, подготовленным Г.Б. Клейнером и соавторами [Мезоэкономика..., 2001; Мезоэкономика..., 2011]¹⁶. Сам Г.Б. Клейнер трактует мезоуровень как «естественное поле формирования и действия экономических институтов» [Клейнер, 2003. С. 16].

По мысли обращающихся к мезоэкономике исследователей, именно в срединном между микро- и макроуровне мезопространстве происходят процессы, подобные тем, что можно описывать в терминологии самоорганизации и коэволюции, возникновения правил взаимодействий игроков друг с другом в условиях неопределенности, многократного их повторения и институционализации [Elsner and Heinrich, 2010]. Особым образом такой взгляд на мезоэкономику реализовался в работах постсоветских экономистов. Так, по мысли Г.Б. Клейнера и соавторов, их обращение к мезоэкономической проблематике было обусловлено особенностями неудачного транзита постсоветской России к рыночным институтам, когда институты плановой экономики самоустранились, а механизмы рыночной координации не функционировали в силу отсутствия привычки экономических субъектов к рыночным реалиям. В обеих монографиях: и в «Мезоэкономике переходного периода», и в «Мезоэкономике развития» утверждалось, что именно мезопространство должно стать тем уровнем экономики России, где произойдет выработка механизмов координации российских экономических субъектов.

Одним из авторов, регулярно обращающихся к мезоэкономической проблематике, Т.Р. Гареевым цель мезоэкономических исследований формулируется как «идентификация области, в которой сталкиваются восходящие процессы формирования новых правил и нисходящие процессы стабилизации конституирующих правил» [Гареев, 2010. С. 45]. Такое понимание мезоэкономики приближено к задачам изучения примеров из истории китайских реформ последних десятилетий, описанных выше. В определенном смысле именно мезоуровень как звено между микро- и макроуровнями, введенный как описательная категория при изучении китайской экономики, позволит избежать дихотомических позиций «государство – индивид», «рынок – план», ввести в анализ промежуточную, но, по существу, институтообразующую категорию общества, в отдельных случаях функционирующего согласно логике коллективного действия.

Заключение

Итак, основу дискурса относительно китайской политики реформ и открытости и ее результатов составляют дихотомические позиции «плановая экономика – рыночная экономика», «государство – индивид», «капитализм – социализм», определяющие взгляд на развитие Китая эпохи реформ как на качение маятника, зависимое от воли политических элит. Такая логика описания органична более широкой позиции «Запад-Восток» и неизбежна ввиду того, что основы описательных конструкций социальных наук, в том числе и экономики, были заложены европейскими учеными. Если для европейского общества взаимоотношение человека как основной описательной единицы и государства является ключевой проблемой исторического развития, то, скажем, в случае с китайским обществом подобная схема может оказаться уводящей от истины. Говоря об экономическом анализе, мы обратились к теории мезоэкономики, теоретики которой настаивают на необходимости преодоления ограничений методологического индивидуализма социальных наук и возлагают надежды на теоретическое пространство мезоуровня в экономике как на категорию, в пределах которой возможно изучение логики коллектив-

¹⁶ Об истории понятия мезоэкономики в российской литературе см.: [Волинский, 2017].

ного действия экономических агентов, сопровождающегося эффектами возникновения эмерджентных структур. С нашей точки зрения, исследовательская программа мезоэкономики соответствует задачам изучения опыта китайских рыночных трансформаций последних десятилетий, важнейшим фактором которых являлись, вопреки господствующим представлениям, не только макроуровневые стратегии реформирования экономики, но и коллективные, спонтанно организованные действия социальных групп.

ЛИТЕРАТУРА

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2015). Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты / Пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановича. М.: АСТ.
- Арсланов В.В. (2016). «Инклюзивные институты» – основной фактор экономического роста // *Общественные науки и современность*. №5. С. 49–62.
- Бакеев М.Б. (2018). Дейдра Макклоски: риторика экономического развития: Научн. Докл. М.: Институт экономики РАН.
- Борох О.Н. (2015). Дискуссия о путях развития Китая в начале 1930-х годов: от «вестернизации» к «модернизации» // *Вестник Санкт-Петербургского университета Сер. 13. Вып. 2*. С. 73–86.
- Виноградов А.В. (2008). Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. 2-е изд., испр. и доп. М.: НОФМО.
- Волынский А.И. (2017). Мезоуровень как объект исследования в экономической литературе современной России // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, Т. 9. № 3. С. 36–49.
- Гареев Т.Р. (2010). Институты и экономическое развитие на субрегиональном (мезо-) уровне // *Общественные науки и современность*, № 5. С. 45–58.
- Гудин Дж. (2015). Похищение истории / Пер. с англ. М.: Весь Мир.
- Иногучи Такаси (2004). Политическая наука в трех демократиях: «нелояльной» (Япония), демократии «третьей волны» (Южная Корея) и «зарождающейся» (Китай) // *Полис*. 2004. №5. С. 131–140.
- Кирдина С.Г. (2013). Методологический индивидуализм и методологический институционализм // *Вопросы экономики*. №10. С. 66–89.
- Кирдина-Чэндлер С.Г. (2018). Западные и незападные институциональные модели во времени и пространстве // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 73–88.
- Клейнер Г.Б. (2003). Мезоэкономические проблемы российской экономики // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, Т. 1. № 2. С. 11–18.
- Кондрашова Л.И. (2018). Китай строит свой социализм // *Проблемы Дальнего Востока*. № 4. С. 102–114.
- Коростиков М.Ю. (2015). Власть и собственность в Китае // *Сравнительная политика*. 2 (19). С. 50–65.
- Коростиков М.Ю. (2018а). Си Цзиньпин выразил уверенность в прошлом // *Онлайн-портал издания Коммерсантъ*. www.kommersant.ru/doc/3835806 (дата обращения: 24.01.2019).
- Коростиков М.Ю. (2018б). Пример лучших правил // *Онлайн-портал издания Коммерсантъ*. www.kommersant.ru/doc/3829217?from=doc_vrez (дата обращения: 24.01.2019).
- Коуз Рональд, Нин Ван (2013). Как Китай стал капиталистическим. М.: Новое издательство.
- Круглова М.С. (2017). Мезоэкономическая теория в англоязычной научной литературе // *Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований)* Т. 9. № 3. С. 24–35.
- Лаваль К. (2010). Человек экономический. Эссе о происхождении неолиберализма. Пер. с фр. С. Рындына. М.: Новое литературное обозрение.
- Мезоэкономика переходного периода: рынки, отрасли, предприятия. (2001). М.: Наука.
- Мезоэкономика развития (2011). Под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера; Центральный экономико-математический ин-т РАН. М.: Наука.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Олсон М. (2013). Возвышение и упадок народов: экономический рост, стагфляция и социальный склероз. М.: Новое издательство.
- Пивоварова Э.П. (2011). Социализм с китайской спецификой. М.: ИД Форум.
- Пивоварова Э.П. (2018). Черты преемственности и новизны в экономической политике пяти поколений руководства КНР. М.: ИДВ РАН.
- Просеков С.А. (2009). Социально-философский анализ модернизации современного Китая в условиях глобализации. М.: Финанс. ун-т при Правительстве РФ.
- Рагозина С.А. (2015). Об антиориенталистской социологии ислама Брайана Тёрнера // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. № 1 (33). С. 297–310.

- Розмаинский И.В. (2018). Размышления о книге А. С. Скоробогатова «Общество как договор между сильными и слабыми. Очерки по экономике истории» (М.: Издательский дом ВШЭ, 2018) // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10. № 3. С. 180–192.
- Саид Э. (2006). Ориентализм. М.: Русский Миръ.
- Социальный протест на современном Востоке: Научное издание (2016) / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс.
- Шумпетер Йозеф (2012). Наука и идеология // *Философия экономики. Антология*: пер. с англ. Под ред. Д. Хаусмана. М.: Изд. Института Гайдара. С. 247–264.
- Acemoglu D., Robinson J. (2012). *Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown Business.
- Chao Deng (2018). China's Private-Sector Woes Spur Leaders Into Action. *The Wall Street Journal*. Published Nov. 19. 2018. www.wsj.com/articles/chinas-private-sector-woes-spur-leaders-into-action-1542623426 (дата обращения: 24.01.2019).
- Che, Jiahua, Yingyi Qian (1998). Institutional environment, community government, and corporate governance: Understanding China's township-village enterprises // *Journal of Law, Economics, and Organization* 14 (1). Pp. 1–23.
- Diamond J. (2012). What makes countries rich or poor? // *New York Review of Books*. June 7. www.nybook.com/articles/2012/06/07/what-makes-countries-rich-or-poor.
- Elsner, W., Heinrich, T. (2010). Towards «Meso»-Economics. On the Co-Evolution of Institutionalized Coordination, «Platform» Size, and Performance.
- Frank A.G. (1998). *ReOrient: global economy in the Asian age*. Berkeley: University of California Press.
- Huifeng He, Leng S. (2018). Beijing says Guangdong government broke law by publishing PMI economic figures for seven years. *South China Morning Post*. www.scmp.com/economy/china-economy/article/2178707/guangdong-government-broke-law-publishing-economic-figures (дата обращения: 24.01.2019).
- Li Lanqing (2008) Li L. Tuwei: Cuomen Chukai de Suiyue [Breakthrough: The Initial Era of Opening China's Door]. Beijing: Central Compilation & Translation Press.
- McCloskey D. N. (2016). *Bourgeois equality: How ideas, not capital or institutions, enriched the world*. University of Chicago Press.
- Mukherjee A., Xiaobo Zh. (2007). Rural industrialization in China and India: Role of policies and institutions. *World Development* 35 (10). Pp. 16–34.
- Naughton B. (2007). *The Chinese Economy: Transitions and Growth*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Pomeranz K. (2000). *The great divergence: China, Europe and the making of the modern world economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rattner S. (2018). Is China's Version of Capitalism Winning? *The New York Times*. Published: March 27, 2018. www.nytimes.com/2018/03/27/opinion/china-economy-state-capitalism-winning.html (дата обращения: 24.01.2019).
- Spence M. (2019). What Next for China's Development Model? *Project Syndicate*. Published: Jan 21, 2019. www.project-syndicate.org/commentary/china-development-model-tensions-with-west-by-michael-spence-2019-01 (дата обращения: 24.01.2019).
- Tepperman J. (2018). China's Great Leap Backward. *Foreign Policy*. Published: October 15, 2018. foreignpolicy.com/2018/10/15/chinas-great-leap-backward-xi-jinping (дата обращения: 24.01.2019).
- Weitzman M.L., Chenggang Xu. (1994). Chinese township village enterprises as vaguely defined cooperatives // *Journal of Comparative Economics* 18 (2). Pp. 121–145.
- Williams H. (2001). Property Rights and Legal Reform in Township and Village Enterprises in China // *Asia Pacific Law and Property Journal*, 2001. Vol. 2. Issue 1. Pp. 227–258.
- Xu Chenggang, Zhang X. (2009). The Evolution of Chinese Entrepreneurial Firms: The Township and Village Enterprises Revisited. IFPRI Discussion Paper 00854 April 2009.
- Zweig D. (1997). Rural People, the Politicians, and Power // *The China Journal*, 1997. Vol. 3. Pp. 153–168.
- Кун Жун, Ван Япин (2005). Волостно-сельские предприятия поглощают рабочий труд: причины и методы борьбы /Северо-Западный университет А & Ф, Школа экономики и менеджмента, Шэньси Янлин // *Northwestpopulation*. P. 24–26. На китайском языке.
- Ма Вэй, Ван Ханьшэн, Люй Шидин (1994). История развития и механизм работы китайских волостно-сельских предприятий /Издательство Пекинского университета. На китайском языке.
- Сюй Цзиньюн (2009) Ретроспектива и размышления об изменениях сельской экономической системы Китая за последние 60 лет // *Journal of Tianjin administration institute*. Vol. 11. № 5. Pp. 5–9. На китайском языке.

Вольнский Андрей Игоревич

ava3003@gmail.com

Andrei Volynskii

junior researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow

ava3003@gmail.com

MESOECONOMICS OF THE ECONOMIC GROWTH: STUDYING THE EXPERIENCE OF CHINESE REFORMS

Abstract. At the end of 2018, ceremonial events were held in China on the 40th anniversary of the beginning of the Chinese economic reform. Thanks to them, China has become one of the most dynamically developing countries in the world. A considerable amount of research is devoted to describing the experience of Chinese reforms, the principles laid down in the transformation program, the circumstances of the implementation of strategies for transforming the Chinese economy, its transit from a strictly planned system to market institutions and private property. The main elements of the reforms: the elimination of the people's communes, the stimulation of private entrepreneurship, the consistent improvement of the investment climate, the transformation of state enterprises into market agents – all this has been studied in enough detail. The dominant view of the Chinese reforms as the initially modeled process of gradual economic liberalization, the gentle dismantling of a vertically integrated system of state regulation of the economy and the development of the spirit of private enterprise is not complete. In our opinion, the description of the Chinese reforms experience through the dichotomous positions “plan-market”, “state-individual”, “socialism (communism) – market” initially introduces a certain degree of simplification into the analysis of the descriptions of the Chinese past, and at the same time awareness of the future trajectories of the Chinese development. From our point of view, it is necessary to include in the analysis some median of both the reforms themselves and the current Chinese society in its political, social and economic dimensions. Thus, in the position of the “state-individual”, the intermediate position “society” is necessary. The experience shown by residents of the Chinese village of Xiaogang 40 years ago, the experiments conducted by the authorities of individual Chinese provinces are examples of the fact that the “society” factor with its ability to organize and cooperate has played an important role in the history of Chinese success.

Keywords: *institutional design, meso-level, meso-economics institutionalism, China, reforms.***JEL classification:** B15, B25, P16, P51.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2015). Pochemu odni strani bogatie, a drugie bednie. Proishozhdenie vlasti процветания и нищеты [Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty]. M.: AST.
- Arslanov V.V. (2016). «Inklyuzivnye instituty» – osnovnoj faktor ehkonomicheskogo rosta [“Inclusive institutions” – the Key Factor of Sustainable Growth] // Social sciences and modernity. №5. Pp. 49–62.
- Bakeev M.B. (2018). Dejdra Makkloski: ritorika ehkonomicheskogo razvitiya. [Deirdre McCloskey: the rhetoric of economic development] Nauchnyj doklad [Working paper]. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences.
- Boroh O.N. (2015). Diskussiya o putyah razvitiya Kitaya v nachale 1930-h godov: ot «vesternizacii» k «modernizacii» [Debating the path of China's development in the early 1930s: from “westernization” to “modernization”] // Vestnik of Saint Petersburg University Ser. 13. Vyp. 2. Pp. 73–86.
- Vinogradov A.V. (2008). Kitajskaya model' modernizacii. [China's modernization model. A Search for New Identity] Poiski novej identichnosti. Izdanie vtoroje, ispravlennoe i dopolnennoe. M.: NOFMO.
- Volynskii A.I. (2017). Mezouroven' kak ob'ekt issledovaniya v ehkonomicheskoy literature sovremennoj Rossii [Mesolevel as object of research in the scientific economic literature of contemporary Russia] // Journal of Institutional Studies, Vol. 9. № 3. Pp. 36–49.
- Gareev T.R. (2010). Instituty i ehkonomicheskoe razvitie na subregional'nom (mezo-) urovne [Institutions and economic development at the sub-regional (meso-) level] // Social sciences and modernity, № 5. Pp. 45–58.
- Gudin D. (2015). Pohishchenie istorii [The Theft of History]. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir».
- Inoguchi Takasi (2004). Politicheskaya nauka v trekh demokratiyah: «neloyal'noj» (Yaponiya), demokratii «tretej volny» (Yuzhnaya Koreya) i «zarozhdayushchejsya» (Kitaj) [Political science in three democracies: «disloyal» (Japan), «third wave» democracy (South Korea), and «emerging» (China)] // Polis. №5. Pp. 131–140.
- Kirdina S.G. (2013). Metodologicheskij individualizm i metodologicheskij institucionalizm [Methodological Individualism and Methodological Institutionalism] // Issues of Economics, №10. Pp. 66–89.
- Kirdina-Chandler S.G. (2018). Zapadnye i ne-zapadnye institucional'nye modeli vo vremeni i prostranstve [Western and non-western institutional models in time and geographical space] // Voprosy teoreticheskoy ehkonomiki [Theoretical economics]. №1. Pp. 73–88.

- Kleiner G.B.* (2003). Mezoekonomicheskie problemy rossijskoj ehkonomiki [Meso-economic problems of the Russian economy] // The economic bulletin of the Rostov State University, Vol. 1. № 2. Pp. 11–18.
- Kondrashova L.I.* (2018). Kitaj stroit svoj socializm [China is building its own socialism] // Problems of the Far East, № 4. Pp. 102–114.
- Korostikov M.Y.* (2015). Vlast' i sobstvennost' v Kitae [Power and Property in China] // Comparative Politics. 2 (19) / №2 (19). Pp. 50–65.
- Korostikov M.Y.* (2018a). Si Czin'pin vyrazil uverennost' v proshlom [Xi Jinping expressed confidence in the past] // Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3835806> (access date: 24.01.2019).
- Korostikov M.Y.* (2018b). Primer luchshih pravil [Example of the best rules] // Kommersant. www.kommersant.ru/doc/3829217?from=doc_vrez (access date: 24.01.2019).
- Coase Ronald, Ning Wang* (2013). Kak Kitaj stal kapitalisticheskim. [How China became capitalist]. «Novoe izdatel'stvo».
- Kruglova M.S.* (2017). Mezoekonomicheskaya teoriya v angloyazychnoj nauchnoj literature [Meso-economic theory in english-scientific literature] // Journal of Institutional Studies. 9(3). Pp. 24–35.
- Laval Ch.* (2010). Chelovek ehkonomicheskij. Essse o proiskhozhdenii neoliberalizma [L'Homme économique : Essai sur les racines du néolibéralisme]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Mezoekonomika perekhodnogo perioda: rynki, otrasli, predpriyatiya [Meso-economics of the transition period: markets, industries, enterprises]. (2001). Moscow: Nauka.
- Mezoekonomika razvitiya [Meso-economics of development] / ed. Member of corr. RAS G.B. Kleiner (2011). Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Nauka.
- North D., Wallis J., Weingast B.* (2011). Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. [Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. M.: Institut Gaydara.
- Olson M.* (2013). Vozvyshenie i upadok narodov: ehkonomicheskij rost, stagflyaciya i social'nyj skleroz. [The rise and decline of nations: economic growth, stagflation and social sclerosis.] M.: Novoe izdatel'stvo.
- Pivovarova E.P.* (2011). Socializm s kitajskoj specifikoj. [Socialism with Chinese characteristics] M.: Forum.
- Pivovarova E.P.* (2018). Cherty preemstvennosti i novizny v ehkonomicheskoy politike pyati pokolenij rukovodstva KNR [Features of continuity and novelty in the economic policy of five generations of Chinese leaders]. M.: IFES RAS.
- Prosekov. S.A.* (2009). Socialno filosofskij analiz modernizacii sovremennogo Kitaya v usloviyah globalizacii [Socio-philosophical analysis of the modernization of modern China in the context of globalization]. M: Financial University under the Government of the Russian Federation.
- Ragozina S.A.* (2015). Ob antiorientalistskoj sotsiologii islama Brajana Tyornera [On Bryan S. Turner's Anti-Orientalist Sociology of Islam] // Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom 33 (1). Pp. 297–310.
- Rozmainsky I.V.* (2018). Razmyshleniya o knige A.S. Skorobogatova «Obshhestvo kak dogovor mezhdru sil'nymi i slabymi. Oчерki po ehnomike istorii» (M.: Izdatel'skij dom VSHEH, 2018) [Reflections about the book by A.S. Skorobogatov «Society as a contract between the strong and weak. Essays on economics of history» (M.: HSE Publishing House, 2018)] // Journal of Institutional Studies. 2018. Vol. 10. № 3. Pp. 180–192.
- Said Ed.* (2006). Orientalizm. [Orientalism] M.: Rucckij Mir.
- Sotsial'nyj protest na sovremennom Vostoke: Nauchnoe izdanie [Social protest in the modern East: Scientific publication] (2016) / ed. D. V. Strel'tsov. M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press».
- Schumpeter J.* (2012). Nauka i ideologiya [Science and Ideology] // Filosofiya ehkonomiki. Antologiya [The Philosophy of Economics. An Anthology] / Ed. by Daniel M. Hausman. M.: Gaidar Institute. Pp. 247–264.
- Acemoglu D., Robinson J.* (2012). Why nations fail: the origins of power, prosperity, and poverty. New York: Crown Business.
- Chao Deng* (2018). China's Private-Sector Woes Spur Leaders Into Action. The Wall Street Journal. Published. Nov. 19, 2018. www.wsj.com/articles/chinas-private-sector-woes-spur-leaders-into-action-1542623426 (дата обращения: 24.01.2019).
- Che, Jiahua and Yingyi Qian* (1998). Institutional environment, community government, and corporate governance: Understanding China's township-village enterprises. Journal of Law, Economics, and Organization 14 (1). Pp. 1–23.
- Diamond J.* (2012). What makes countries rich or poor? // New York Review of Books. June 7. www.nybook.com/articles/2012/06/07/what-makes-countries-rich-or-poor.
- Elsne W., Heinrich T.* (2010). Towards «Meso»-Economics. On the Co-Evolution of Institutionalized Coordination, «Platform» Size, and Performance.
- Frank A.G.* (1998). ReOrient: global economy in the Asian age. Berkeley: University of California Press.
- Huifeng He, Leng S.* (2018). Beijing says Guangdong government broke law by publishing PMI economic figures for seven years. South China Morning Post. www.scmp.com/economy/china-economy/article/2178707/guangdong-government-broke-law-publishing-economic-figures (дата обращения: 24.01.2019).
- Li Lanqing* (2008) Li L. Tuwei: Cuomen Chukai de Suiyue [Breakthrough: The Initial Era of Opening China's Door]. Beijing: Central Compilation & Translation Press.

- McCloskey D. N.* (2016). *Bourgeois equality: How ideas, not capital or institutions, enriched the world* / University of Chicago Press.
- Mukherjee A, and Xiaobo Zh.* (2007). Rural industrialization in China and India: Role of policies and institutions. *World Development* 35 (10). Pp. 16–34.
- Naughton B.* (2007). *The Chinese Economy: Transitions and Growth*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Pomeranz K.* (2000). *The great divergence: China, Europe and the making of the modern world economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rattner S.* (2018). Is China's Version of Capitalism Winning? *The New York Times*. Published: March 27, 2018. www.nytimes.com/2018/03/27/opinion/china-economy-state-capitalism-winning.html (дата обращения: 24.01.2019).
- Spence M.* (2019). What Next for China's Development Model? *Project Syndicate*. Published: Jan 21, 2019. www.project-syndicate.org/commentary/china-development-model-tensions-with-west-by-michael-spence-2019-01 (дата обращения: 24.01.2019).
- Tepperman J.* (2018). China's Great Leap Backward. *Foreign Policy*. Published: october 15, 2018. foreignpolicy.com/2018/10/15/chinas-great-leap-backward-xi-jinping (дата обращения: 24.01.2019).
- Weitzman M.L., and Chenggang Xu.* (1994). Chinese township village enterprises as vaguely defined cooperatives // *Journal of Comparative Economics* 18 (2). Pp. 121–145.
- Williams, H.* (2001). Property Rights and Legal Reform in Township and Village Enterprises in China, *Asia Pacific Law and Property Journal*, 2001. Vol. 2. Issue 1. Pp. 227–258.
- Xu Chenggang, Zhang X.* (2009). The Evolution of Chinese Entrepreneurial Firms: The Township and Village Enterprises Revisited. *IFPRI Discussion Paper 00854* April 2009.
- Zweig, D.* (1997). Rural People, the Politicians, and Power // *The China Journal*, 1997. Vol. 3. Pp. 153–168.
- Kong Rong, Wang Yaping* (2005). Analysis on the Status Quo, Causes and Countermeasures of Township Enterprises Absorbing Labor and Employment *Northwestern University A & F, School of Economics and Management, Shaanxi Yanling* // *Northwestpopulation*. Pp. 24–26. In chinese.
- Ma Wei, Wang Hansheng, Lü Shiding* (1994). The history of development and the mechanism of operation of Chinese township-village enterprises *Peking University Press*. In chinese.
- Xu Jinyun* (2009). Retrospective and reflections on changes in China's rural economic system over the past 60 years // *Journal of Tianjin administration institute* Vol. 11. №. 5. Pp. 5–9. In chinese.